

«Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова «Школа для дураков»

Галина Ивановна Данилина, Ксения Александровна Гринякина 

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000222851@study.utmn.ru 

Аннотация. В текст романа Саши Соколова «Школа для дураков» (1976) включено более ста случаев нарушения «школьных» правил русского языка; исследовать эту особенность романного дискурса в аспекте нарратива школы — цель нашей работы, определяющая ее новизну. Методологические основы исследования: концепция психопатологий как инвестиции социума в философии постмодерна (М. Фуко, Ж. Делез); код как текстопорождающий принцип (Р. Барт). Логика исследования определяется структурой нарратива школы в романе. Случаи нарушения правил систематизированы в соответствии с правилами оценки школьных письменных работ; сделана их типологическая и лингвостилистическая классификация. Исследование показало, что «ошибки» маркируют становление героя-рассказчика как творческой личности; «код ошибки» фиксирует этапы этого процесса. В итоге репрезентирована концепция творческой личности в романе, основанная на самовоспитании героя: создание своей языковой картины мира в противодействии нетворческой социальной среде.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Школа для дураков», психопатологические нарушения речи, коннотативная семиология, нарратив школы, «роман о художнике»

Цитирование: Данилина Г. И., Гринякина К. А. 2026. «Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 72–90. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-72-90>

Поступила 28.10.2025; одобрена 10.04.2026; принята 12.07.2026

“Don’t correct me, I’m not wrong”: The error code in Sasha Sokolov’s “A School for Fools”

Galina I. Danilina, Kseniya A. Grinyakina✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000222851@study.utmn.ru✉

Abstract. The text of Sasha Sokolov’s novel *A School for Fools* (1976) incorporates over one hundred instances of violations of “school” rules of the Russian language. The aim of this study, which constitutes its novelty, is to investigate this feature of the novel’s discourse through the lens of the school narrative. The methodological foundation of the research is based on the concept of psychopathologies as society’s investment in postmodern philosophy (M. Foucault, G. Deleuze); and code as a text-generating principle (R. Barthes). The logic of the analysis is determined by the structure of the school narrative in the novel. Cases of rule violations are systematized according to the rules for evaluating school written assignments; their typological and linguistic-stylistic classification is provided. The study demonstrates that these “errors” mark the development of the narrator-hero as a creative personality; the “error code” captures the stages of this process. As a result, the novel’s concept of a creative personality, based on the hero’s self-cultivation, is presented: the creation of one’s own linguistic worldview in opposition to a non-creative social environment.

Keywords: Sasha Sokolov, “A School for Fools”, psychopathological speech disorders, connotative semiology, school narrative, Künstlerroman (novel about an artist)

Citation: Danilina, G. I., & Grinyakina, K. A. (2026). “Don’t correct me, I’m not wrong”: The error code in Sasha Sokolov’s “A School for Fools”. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 72–90. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-72-90>

Received Oct. 28, 2025; Reviewed Apr. 10, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Первый роман Саши Соколова «Школа для дураков» (1976) давно и многосторонне исследуется, однако его эстетическая многогранность и смысловая амбивалентность продолжают провоцировать научный интерес. К настоящему времени сложилось два основных подхода к его изучению — интертекстуальный и «психопатологический»; показательно, что в обоих случаях на первый план выходит лингвистическая составляющая дискурса, только с разными коннотациями — или сюжетно-стилистической,

или психоаналитической. Наша работа также ориентирована на исследование языка романа, а именно в одном конкретном аспекте — это «школьный» компонент дискурса, оставленный пока без должного внимания; анализ будем проводить с учетом опыта и первого, и второго подходов.

При этом, если отвлечься от «школьной» составляющей, можно с уверенностью утверждать, что язык и стиль романа «Школа для дураков» рассмотрен глубоко и подробно; выявлены его «транстекстуальность» (термин Э. Вари [Вари, 2002]), мифологичность [Липовецкий, 2008], «переосмысление предшествующей традиции, в итоге сформировавшее своеобразие творческой манеры автора» [Егоров, 2011]. Подчеркнем, что отмечена и особая, смыслопорождающая функция вербальных конструкций: «... слово Соколова выпукло, пестро и многосоставно, оно постоянно отслаивается все новыми значениями» [Зорин, 1989].

Закономерно, что столь высокий потенциал словотворчества в романе побуждает увидеть в нем «роман о художнике», а в герое — творческую личность: «... это прежде всего человек с обостренным, свежим и странным восприятием мира, способный выразить его удивительным и неповторимым образом: поэт, художник, пророк» [Сапрыкин, 2018].

Более отчетливо и выразительно сформулировал эту мысль Андрей Битов: герой романа — «писатель», «молодой прозаик»; «Школа для дураков» — учебник своего рода. Я бы ее [„Школу...“] ввел как обязательную для тех, кто учится «на писателя» [Битов, 1989] — это эталон, «первая книга прозаика» [Битов, 1989].

Суждение Андрея Битова, современника и во многом единомышленника Саши Соколова, веско и репрезентативно. Тем не менее вопросы остаются: ведь герой-рассказчик — не зрелый литератор, создавший эталонный учебник по литературному мастерству (ср. у Битова: «первая книга», «первый опыт»), а всего лишь школьник, безымянный «ученик такой-то», и это его единственная номинативная характеристика в романе. Соответственно, статус ученика принципиально важен в структуре дискурса: им задается особое, процессуальное измерение, намечающее возможность проследить сам процесс обучения, которое проходит герой, и увидеть, как формируется его личность и рождаются яркий творческий слог и стиль его повествования.

Таким образом, школьный код в романе Саши Соколова должен быть **актуализирован**; определимся с конкретным объектом и методологическими ориентирами исследования.

Нарратив школы маркируется в тексте словами-сигналами: *школа, учитель, ученик, урок, правило, исключение из правил, ошибка*. Последнее из них можно назвать главным, поскольку оно содержательно и функционально объединяет все маркеры: учитель на уроке учит писать «по правилам», ученик ошибается, что научает его различать правила и ошибки и тем самым определять свое отношение к ним. Значимо и то, что «ошибка» фиксируется на письме и потому четко вычленяется в объект анализа с заявленной точки зрения (тогда как *школа, ученик, учитель* в силу множества сюжетных коннотаций могут толковаться сколь угодно широко). Отсюда **цель** нашей работы — рассмотреть код ошибки в романе «Школа для дураков», чтобы уточнить смысл и значение «школьного» нарратива в дискурсе Саши Соколова.

В понимании термина «ошибка» мы ориентируемся на значение, зафиксированное в современном толковом словаре русского языка (под ред. Т. Ф. Ефремовой): «**Ошиб-ка** — действие по глаголу *ошибаться* (неправильно думать о чем-л., ком-л.; неправильность в действиях, поступках, суждениях, мыслях)» [Ефремова, 2006]. Данное определение мы избираем потому, что в нем учитываются поступки и мысли, в отличие от других словарных определений, трактующих ошибку исключительно как письменную или речевую (см.: Малый академический словарь, Толковый словарь С. А. Кузнецова и др.) Тем самым формулировка Ефремовой задает точку зрения, методологически адекватную сложной специфике художественного дискурса Саши Соколова. Мы будем изучать ошибки в речи героя-рассказчика в свете авторской интенции на уровне «школьного» нарратива как компонента романного дискурса.

Материал исследования: на 163 страницах первого издания романа «Школа для дураков» нами было выявлено 103 ошибки разного типа (грамматические, лексические, стилистические и словообразовательные) — даже на первый взгляд слишком много для того, чтобы читатель мог их «не заметить» и ими пренебречь. Подчеркнем, это не случайные недочеты, появившиеся из-за корректорской или редакторской невнимательности, поскольку сохраняются и воспроизводятся во всех изданиях романа, начиная с авторизованного; кроме того, часть ошибок выделена в тексте графически, что акцентирует намеренность «ошибочного» написания. Первая (и знаменательная) ошибка появляется уже в эпиграфе:

«Гнать, держать, **бежать**, обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть, и терпеть. *Группа глаголов русского языка, составляющих известное исключение из правил; ритмически организованное для удобства запоминания*» [Соколов, 1976]ⁱ.

Здесь две формальные ошибки: во-первых, отсутствует глагол *смотреть*. Вероятно, он «лишний», так как в ряду уже есть *видеть* (со значением не просто «смотрения», но и восприятия, осознания чего-либо). Во-вторых, в ряд введен глагол *бежать* с коннотацией «побега», отказа от правил и норм. Ранее вынесенные в эпиграф ошибки схожим образом уже рассматривались как «желанные не только для героя, но и для автора» И. В. Азеевой [Азеева, 2015, с. 48], которая также отмечала за ними тесную связь с идейной составляющей романа. Мы, в свою очередь, считаем, что обращенный к читателю эпиграф подсказывает в первую очередь, что в авторском замысле не только у этих двух, но у *каждой* отмеченной в тексте «ошибки» своя роль, нуждающаяся в понимании, оттого речь о них заходит уже в эпиграфе.

Дискурс безумия

Между тем в процессе изучения романа Саши Соколова давно есть подход, которым, казалось бы, вопрос об «ошибках» априори снимается как неактуальный, поскольку уже в самом подходе потенциально дано решение этого вопроса. Роман посвящен «слабоумному мальчику Вите Пляскину» [Соколов, 1976, с. 3], повествование ведет

ⁱ Здесь и далее цитируется издание: Соколов Саша. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис, 1976. 174 с.

ученик спецшколы «для дураков» — следовательно, в его речи есть особенности, характеризующие «шизофренический дискурс» романа (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари, введен в 1972 г.).

Подход был намечен М. Бергом в статье «Новый жанр», где он писал об ученике таком-то как о «слабоумном мальчике, лишенном разума... по безусловному закону жанра» [Берг, 1985] (шрифтовые выделения здесь и далее наши. — К. Г.); А. Зорин позже, рассуждая о языке романа, отметил «душевное расстройство рассказчика», как то, что определило «повествовательную технику писателя» [Зорин, 1989]; В. Руднев указал на «психоз героя», связанный с его столкновением с «миром природы, миром вещей» [Руднев, 2005]; И. Азеева, развивая мысль М. Липовецкого, обратившего внимание на наличие у ученика мифологического сознания [Липовецкий, 1997, с. 184], относила к его проявлениям и заметные ошибки в его речи, при этом отмечая за ними главным образом структурообразующую функцию, оставаясь также в рамках психопатологического подхода к особенностям речи ученика такого-то [Азеева, 2015, с. 83–84]. До сих пор данный подход остается основным в изучении особенностей романа.

Отметим, однако, что подход скорее заявлен, чем разработан; слова о психопатологиях главного героя переходят из статьи в статью (Берг, 1985; Вайль, Генис, 1993; Сапрыкин, 2018 и др.), но никто из авторов, как ни удивительно, не выявил и не систематизировал соответствующие лингвистические реалии; их типологическая классификация в сопоставлении с речевыми особенностями отдельных психопатологий также пока не проведена. Приходится констатировать, что на данный момент релевантная оценка «безумия» в романном дискурсе отсутствует. Причина, очевидно, в том, что если сюжет посвящен школе «для дураков», то это по умолчанию предполагает речевые отклонения как принцип нарратива, и потому в специальном рассмотрении вопроса нет необходимости: каждое «отклонение» от языковой нормы будет лишь подтверждать слабоумие главного героя, в чем и состоят его роль и назначение в тексте.

Насколько это так (или не так), может показать только обстоятельное компаративное исследование, учитывающее симптоматику проблемы и положения теории психоанализа. Отсюда следует, что предметный анализ дискурса безумия в романе еще впереди, и это задача отдельного самостоятельного исследования. Мы же здесь обозначим лишь главное в свете нашей постановки проблемы.

Подход к изучению романа как части психопатологического дискурса, безусловно, адекватен, однако есть важный аспект, который его сторонники не принимают в расчет, а именно социальное измерение романских смыслов. Слабоумие и другие подчеркиваемые исследователями патологии суть врачебный диагноз (что не противоречит содержанию романа), и он ставится независимо от возраста на основании унифицирующего симптома, социальной изоляции: снижение эмоциональных реакций, обеднение речи, социальная аутизация [Жмуров, 2009]. Соответственно, у персонажей романа никаких речевых «ошибок» нет и не может быть, а есть «отклонения» и «нарушения» как симптом психического расстройства независимо от возраста.

Нарратив романа тем не менее формируется вокруг школы как социальной институции; аукториальный рассказчик — подросток, ученик, и, согласно его рассказу, он вступает в общение с широким социальным окружением — это родители, учителя, соседи,

знакомые и незнакомцы. Как школьник, на уроках он неизбежно делает «ошибки» — слово повторяется в романе, обыгрывается, получает отчетливый социальный акцент. Подчеркнем также, что на его значимость указывают и сами ошибки.

Так, в научной литературе указывается, что один из главных симптомов «больной» речи — словосочетания и фразы на основе сближения слов не по семантике, а по фонетическому сходству смежности, что в итоге порождает бессмыслицу [Юнг, 2000; Блейхер, 1983; Случевский, 1975]. При этом для самого носителя речи смысл есть, но асоциальный, непонятный для других¹. Таких примеров в романе Саши Соколова немало: «...простая веселая песенка исполняется на тростниковой дурочке на Веточке железной дороги...» [Соколов, 1976, с. 13]; «... в зябликах, вернее, в яблоках нашего вертограда сидят черви...» [Соколов, 1976, с. 46].

На первый взгляд, это тот самый случай семантической бессмыслицы при сходном звучании фонетически сближенных слов. При этом в обоих примерах смысл, конечно, есть. В первом отчетливо прочитывается отсылка к школе «для дураков» (и «дурочек»), во втором — к советской детской литературе (известному стихотворению Зинаиды Александровой 1930-х гг. [Александрова, 2019]), то есть тоже к внешнему, социальному «школьному» контексту. Поэтому перспективной представляется интерпретация «шизофренического дискурса» именно в социально значимом ключе. Схожую мысль встречаем в статье В. Туманова, рассматривающего не только как симптом расстройства, но и как «отражение социальной среды» [Туманов, 1994] «крик идиота», сближающий героя Соколова с героем У. Фолкнера: оба они отчаянно и тревожно *кричат*. Но «мир не хочет слышать этот крик», и вместе с тем, что для литературы еще с XIX в., с произведений Пушкина и Достоевского, традиционно «...юродивый... <...> ...представляется рупором правды и иногда голосом провидения» [Туманов, 1994], попытка «заткнуть ему рот» прямо указывает на неспособность общества принять и самого «ненормального» человека, и правду, которую он отмечает.

Эта отсылка к литературе XIX в., к Достоевскому, репрезентативна: именно в эпоху русской классики «горе от ума» обретает острый социально-критический смысл. Можно сказать, что постепенно в дискурсе реализма сформировался своего рода архетип, объединивший литературные персонажи и реальные исторические лица (Чацкий, П. Я. Чаадаев, Поприщин, князь Мышкин): герой выступает «голосом правды» об обществе, его несправедливых установлениях и нравах, а общество в ответ объявляет его сумасшедшим. Герой тем самым — жертва и изгой, обреченный на поражение.

При этом в эпоху постмодерна на основе идеи «бессознательного безумия», как известно, получает новый и веский социокультурный смысл. В трудах Фуко [Фуко, 1961], Делеза и Гваттари [Делез, Гваттари, 2007], Лакана [Лакан, 2006] психическое расстройство — это не (только) язык жертвы социального окружения, но прежде всего репрезентация

¹ К. Г. Юнг в этой связи приводит следующий пример: Вопрос: «Что такое млекопитающее? Ответ (пациент): это корова, например, акушерка». «Акушерка» — опосредованная ассоциация к корове; слово это указывает на вероятный ход мысли: корова — рождающая живые существа — человек также — акушерка. (По) мнению Блейлера, вероятнее следующее сопоставление: «Млекопитающее»: корова — рождает живые существа; это пример — акушерка.) [Юнг, 2000].

личной свободы, которую в конфликте с обществом отвоевывает для себя человек. Так, например, по Делезу и Гваттари, психопатология — это процесс детерриторизации: всякий психически нездоровый человек стремится к ускользанию от «машин подавления» [Делез, Гваттари, 2007, с. 349] и «больших систем» [Делез, Гваттари, 2007, с. 440] к тому, что можно назвать свободной территорией, — пространству, в котором человек становится свободен от «общественного инвестирования» [Делез, Гваттари, 2007, с. 437].

Эта мысль философов постмодернизма глубоко продуктивна для анализа дискурса безумия в романе Саши Соколова. Критический и сатирический аспект нарратива «школы для дураков» давно отмечен и изучен (например, в ранее упомянутой работе Азеевой, где она пишет о проникающем в сознание героя «мире несвободы» [Азеева, 2015, с. 53]), однако «территория свободы» все еще почти не освоена и нуждается в предметном рассмотрении и исследовании.

Но о какой свободе идет речь? Свобода — от чего, и какой путь ведет к ней? То есть на первый план выходит вопрос, как устроена «территория свободы» в романе, в каких границах намечено и чем наполнено ее пространство. Наш вопрос об ошибках определен этой проблематикой дискурса; отсюда задается насущный методологический ориентир: учение Фрейда об ошибках как «окнах в бессознательное», приоткрывающее пути и формы конфликтного противостояния личности по отношению к враждебной, подавляющей социальной среде.

Ошибки тем самым можно потенциально рассматривать как своеобразные маркеры «территории свободы», вербально высказанной в слабоумии «ученика такого-то». Исходя из этого классифицируем, в соотношении с нарративом школы, выявленные нами ошибки по типам скрытого социального конфликта, в который вступает ученик. Затем проанализируем виды ошибок в каждой группе, чтобы выявить их смысловую функцию в структуре «территории свободы» (см. табл. 1).

Табл. 1. Код ошибки: характеристика «школы для дураков»

Table 1. Error code: “school for fools” characteristics

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «ученик такой-то»	Грамматич.: говорить о себе от третьего лица	Безымянный аукториальный персонаж представляется как «ученик такой-то»: у него нет имени, фамилии, прозвища — нет своего «я». Есть лишь социальный статус, объединяющий всех учеников в целом
2. «...репетиция закончилась и бежит, исходит из зала в сторону улицы» [с. 133]	Лексич., стилистич.	«Исходит» — устар. к «выходить», что наряду с «бежит» формирует метонимию и превращает учеников в единую массу
3. «...посмотрите и Рыбкина, он на полке, это разборник, разборник задач... » [с. 86]	Грамматич.	Употребление вместо «сборника» слова с приставкой раз- мотивировано тем, что сборники задач рассчитаны на разбор задач : в них представлены уже существующие варианты решения.

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
4. «...только меня оставили после уроков делать уроки на завтра...» [с. 105]	Грамматич.	Тавтология показывает, что ученикам отведена роль пассивных исполнителей заданий (без возможности задать вопрос или обсудить непонятное)
5. «...с таким положением лещей трудно не согласиться...» [с. 164]	Лексич.	Характеризуется положение вещей в школе с подчеркнутой негативной коннотацией, так как контаминация восходит к выражению «дать леща», то есть ударить
6. «...уволит вас с работы по собственному желанию ...» [с. 130]	Грамматич.	Ошибка говорит о произволе школьной администрации: директор Перилло по своему желанию увольняет учителя
7. «...в отделе народного оборзования » [с. 125]	Словообраз.	«Оборзование» отсылает к борзой собаке: отдел народного <i>особачивания</i> , то есть натаскивания, дрессировки, автоматического исполнения команд
8. «Потом отец вылез из гамака, пошагал — руки-за-спину » [с. 18]	Орфографич.	Вставка дефисов сцепляет три слова в характеристику отца «ученика такого-то»: напряженный, угрюмый, скованный — как заключенный, которого ведут надзиратели, командам которых он подчинен
9. «...полное надежд и планктонов на будущее» [с. 141]	Лексич.	Замена <i>планов</i> на <i>планктоны</i> подчеркивает мизерность и незначительность самих учеников. Они как планктон — единая биомасса, движимая ветром и морским течением. Соответственно, и «планы» у них ничтожны и зависят от чужой воли
10. «...два ученых, подающих одежды » (с. 111)	Лексич.	Ученый, «подающий надежды» — тот, кто соответствует чьим-то (не своим) ожиданиям. Если ученый «подает одежды», то наука — выполнение указаний вышестоящих лиц, а не самостоятельное исследование

Цитаты и комментарий характеризуют отношение ученика к урокам и к агентам школьной педагогики — это учителя, администрация, родители, то есть практически все социальное окружение. Цель, к которой направлено всё обучение, — унификация учеников, их полное обезличивание в интересах общества. Средства достижения цели — требование рабского подчинения взрослым (научиться «подавать одежды»), палочная («тапочная», сказано в романе) дисциплина, физическое и моральное насилие; на уровне школьной методики — «репетиция» ответов, то есть заучивание и повторение готовых решений. В целом эта группа «ошибок» составляет примерно 20 процентов из общего числа.

Далее представим некоторые наблюдения ученика за происходящим в школе и его оценочные суждения. «Ошибки» этого типа составляют около трети общего числа (табл. 2).

Табл. 2. Код ошибки: эмоциональная реакция ученика

Table 2. Error code: student's emotional reaction

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «...в расцвете переломного возраста...» [с. 104]	Лексич.: замена слова в устойчивом словосочет. « переходный возраст»	Смысл замены: происходит не «переход», а «перелом». Меня ломают (ломают кости), переламывают — насильственно переделывают. Боль, как при физических переломах, «в расцвете», то есть резкая, сильная, повторяющаяся (наст. вр. — не «переломанный» или «переломленный», а «переломный»)
2. «... хочется кричать на вашей нервной почте ...» [с. 121] — «...на столе серебрился электрочайник ... <...> ...стали ждать, когда закипит » [с. 119–120]	Лексич.: словосочетание «на нервной почве» трансформировано в сочетание «на нервной почте»	Такая сильная боль, что почти кричу. Не могу ее вынести, закипаю как чайник — испытываю нервное сверхнапряжение. Хочу кричать — но «почта» не срывается, не пересылает моей боли, меня не слышат
3. «...и не причину вам колющей раны ...» [с. 104]	Грамматич.: колющая вместо колотая	«Колотая» рана отражает лишь способ ее причинения; «колющая» говорит прежде всего о том, что рана болит . Семантика «колющей» боли: она «колет», то есть очень острая. Кроме того, боль не прекращается, она непрерывная (прич. наст. вр.)
4. «...заступник всех униженных и окровленных » [с. 123]	Лексич., словообраз.: окровленных заменяет оскорбленных (ср. «Униженные и оскорбленные»)	Смысл замены слова: 1. Боль не только в душе (униженность), но и физическая, льется кровь, как при избиениях и пытках. 2. Это обо мне, но не только; всех нас (учеников этой школы) унижают и мучают
5. «...наверное у него сердце нет это авитаминоз болекровие ...» [с. 75]	Словообраз.: белокровие — эвфемическое, народное название лейкемии, рака крови	Ученик переводит эвфемистический внеочечный смысл лексемы (кровь белая) в прямой и ярко эмоциональный: кровь болит , вся кровь больная , то есть боль такая сильная, что можно умереть
6. «...вопрос это кондуктор ответ нет констриктор ...» [с. 13]	1. Словообраз.: констриктор как замена слова кондуктор. 2. Синтаксич.: снятие запятых соединяет два понятия в одно	Констриктор — веревочный самозатягивающийся узел, название — от Voа constrictor (вид удава). Метафоризировано негативное отношение к законам «школы для дураков». Разные контексты данного слова в романе показывают, что негативная коннотация относится не к конкретному лицу (кондуктор трамвая), а в целом к «приказной» педагогике взрослых: она «душит», не дает вздохнуть, сдавливает так, что ты задыхаешься

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
7. «...фильтры новейших премиальных констрикций ...» [с. 129]	Словообраз.	Слова <i>констриктор</i> , <i>конструктор</i> и <i>констрикции</i> , многократно повторяемые в тексте романа, образуют лейтмотив с семантикой нарастающего давления, насилия: власть изобретает новые, всё более совершенные «удушающие» способы контроля
8. «РЕМОНТ ДЕТСКИХ КОНСТРИКТОРОВ» [с. 104]	Словообраз.	Для детей изобретены специальные «детские» механизмы подавления личности в школьной педагогике: ребенок будто техническая деталь в конструкторе, как кубик в наборе кубиков, неодушевл., заменяемая часть конструкции (болтик, винтик, гайка)
9. «Мы работали там и тут, здесь и там — повсюду, где была возможность наложить , то есть, приложить руки » [с. 167]	Лексич.	Работа — почти синоним самоубийства, так как связана не с личным выбором, а с приказами и инструкциями. Это монотонный, однообразный, физически тяжкий и бессмысленный труд, доводящий до отчаяния, когда, кажется, ничего уже не остается, как только уйти из жизни

Как видим, реакция ученика на школьную педагогику исключительно эмоциональна и всеобъемлюще негативна — это *боль* в разных видах и оттенках: резкая и острая, как при переломах или ударе ножом, или ноющая и непрерывная, не оставляющая ни на минуту, как при затяжной неизлечимой болезни. Причем здесь отражено не только чисто эмоциональное переживание боли, но заметна напряженная работа мысли — внимательное и пристальное самонаблюдение, фиксация опыта и его перевод в вербальную форму.

Ученик последовательно и отчетливо отмечает, что с ним происходит: его ломают, подгоняя под трафаретный образец; ср.: «Образцовая Ударная спецшкола им. Н. И. Лобачевского», *образцовый, удар, лоб* создают прозрачную семантику физического насилия. Его терзают, мучают, вынимают саму душу, превращая в неодушевленный предмет как педагогический идеал безгласного и беспрекословного послушания. И это долгие, нескончаемые мучения, ведь в школе учатся долго; «констриктор» в воображении ученика возникает неизбежно. «Удавы охотятся, подстерегая добычу из засады, хватают ее зубами, обвивают плотными кольцами и сжимают жертву мощными мышцами, нарушая кровоток, что приводит к потере сознания и смерти. Обыкновенные удавы заглатывают добычу целиком»¹.

Цитаты, приведенные в таблице, показывают, что постепенно во внутреннем опыте ученика оформляется четкое понимание сути происходящего: его уничтожают, подвергают его «я» тотальному разрушению; отсюда чувство одиночества, отчаяние, мысли

¹ ЗооСправка: справочник по зоотоварам и домашним животным: сайт. 2001. <https://www.zoospravka.ru/forterrarium/obyknovennyj-udav.htm> (дата обращения: 11.06.2026).

о самоубийстве. Одновременно этот трагический опыт свидетельствует и о другом — о настойчивой рефлексии относительно себя самого, то есть об активном, напряженном процессе самоидентификации личности. Ученик тем самым выходит из роли «планктона» (безликой и бессильной жертвы чужой воли), и это уже протест своего рода, шаг к противостоянию агентам школьной педагогики.

Далее в табл. 3 отражена самая большая группа примеров. Они составляют более половины всех «ошибок» в романе, и этот своеобразный перевес, безусловно, говорит о их особой смысловой значимости в нарративе «школы для дураков».

Табл. 3. Код ошибки: шаги сопротивления и противостояния

Table 3. Error code: resistance and confrontation steps

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «... его нет на свете, не существует, не имеет места, не есть , нет его, нет...» [с. 51]	Грамматич.	Повтор отрицания говорит о потребности осознать цельность своего «я». Форма его не есть выразительно передает семантику отсутствия — «второй» во мне не пропал, не перестал существовать, не подразумевается несуществующим, он изначально отсутствует
2. «Гнать, держать, бе-жать , обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть, и терпеть. <i>Группа глаголов русского языка, составляющих известное исключение из правил; ритмически организованное для удобства запоминания</i> » [эпиграф к роману]	Грамматико-морфологич.: ошибка в цитировании правила	В ряду две ошибки: 1. Отсутствует «лишний» глагол <i>смотреть</i> ; в ряду уже есть видеть — очевидно, более важный, поскольку он означает способность не только направлять взгляд, но и воспринять и осознать что-либо. 2. Включен глагол <i>бежать</i> , открывающий мотив бегства, дистанцирования от правил
3. «...чтобы мы лучше разбирались в вопросах внешней и внутренней ка л и т и к и... » [с. 97]	Словообраз.	Конгломерат <i>калитика 1)</i> иронически демонстрирует непонятность того, чему учат детей в школе; 2) создает ассоциацию с поисками выхода, с бегством (найти калитку)
4. «...покинул час назад берега водоема , где производил ужение на мотыля » [с. 15–16]	Стилистич.: <i>про-изводить ужение</i> вместо <i>удить/ловить</i> — намеренное усложнение фразы	В школе внушают, что образованный человек всегда, при любых обстоятельствах использует «научные», терминологически окрашенные обороты речи. Ирония над школьной демагогией
5. «...я изобрел некоторое изобретение » [с. 102]; «...я коллекционирую коллекцию » [с. 102]	Лексич.	Плеоназмы указывают на бессмысленность, беспредметность тех понятий об учености и ученых, которые внушают ученикам в школе

Продолжение табл. 3
Table 3 (continued)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
6. «...дворник узнает, что на улице , а точнее сказать — над улицей , или на улицу идет снег ...» [с. 22]	Грамматич.: грамматически правильно только: <i>на улице идет снег</i>	Герой изменяет устойчивое выражение в интересах точности. По значению предлогов <i>на</i> и <i>над</i> и сущ. <i>улица</i> вернее было бы сказать, что снег идет <i>над ней</i> или <i>на нее</i> , так как улица есть внешнее пространство, дорога между домами, в то время как конструкция <i>на улице идет снег</i> тавтологична: снег всегда идет снаружи
7. «...там, на пристанционном пруду . На пристанционном? Но это неверно, стилистическая ошибка , Водочка непременно бы поправила , пристанционным называют буфет или газетный киоск, но не пруд, пруд может быть околостанционным » [с. 7]	Лексич.: приставки <i>при-</i> и <i>око-</i> синонимичны, но не тождественны. <i>Около-</i> указывает на естественное нахождение рядом с каким-л. объектом — станцию построили рядом с прудом. <i>При-</i> указывает на искусственное присоединение одного объекта к другому — пруд выкопали рядом со станцией	1. Поиск точного обозначения того, как соотносятся в пространстве природные и искусственные объекты. 2. Знаменательна концентрация внимания ученика на стиле и его правилах
8. «...я скажу об этом не сразу, а как-нибудь позже, время спустя , и вот время спустилось ...» [с. 77]	Лексич.: языковая норма предполагает употребление предлога <i>спустя</i> с сущ., обозначающими отрезки времени (<i>день, час, год</i>), абстр. сущ. <i>время</i> — недопустимо	Актуализируется ядерное значение глагола <i>спускаться</i> (перемещаться сверху вниз). <i>Время спустя</i> — кто-то его спускает; <i>спустилось</i> — т. е. наступило, пришло. <i>Время идет, приходит, спускается</i> — движется в пр-ве, как одушевл. создание, как живое существо. Ученик вслушивается в свое ощущение времени и слова, обозначающие его ход
9. «... <i>слова</i> , которые лучше прочих <i>звучат</i> в пустоте пустых помещений » [с. 98]; « В пустоте пустых помещений неплохо <i>звучат</i> и некоторые другие <i>слова</i> ...» [с. 100]; «...заполнять криком своим пустоту пустых помещений ...» [с. 108]	Лексич.: тавтология Семантика: помещать, размещать слова в пустом, т. е. ничем не заполненном пр-ве — произносить их вслух, с разной громкостью, вслушиваясь в характер звучания	Двойная аллитерация, образованная соположением повторяющегося глухого «п» и звонкого «з» (<i>звучат</i>), намечает антитезу, в которой звучащее слово противопоставляется беззвучности, немоте. Ученик прислушивается к себе, к тому, как в окружающей пустоте звучит его голос, его крик

Окончание табл. 3

Table 3 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
10. «А может быть реки просто не было? Может быть. Но как же она называлась? Река называлась » [с. 8]	1. Синтаксич.: вводные слова не обособлены. Отсутствие запятой при вводном слове возвращает ему полное значение и синтаксическую роль. 2. Грамматич.: предложение не закончено	1. Доп. значение сомнения трансформируется в вопрос: может ли быть, возможно ли, допустимо ли? Это вопрос о связи между словом и вещью, опр. реальией как объектом наблюдения. 2. Значения незаконченного предложения: 1) у реки не было названия, значит, и ее не было, что <i>может быть</i> ; и 2) река <i>называлась</i> , и раз ее кто-то назвал рекой, она <i>была</i> , существовала. Коннотативная семантика всей фразы: вещи <i>могут быть</i> (сбыться, существовать), если их <i>назвать</i> , если они кем-то и как-то <i>называются</i>
11. «...напевал на мотив из Детей капитана Блэда: конеслон , конеслон, улыбнитесь...» [с. 86]	1. Фактич.: упоминаются слова из песни к фильму «Дети капитана <i>Гранта</i> »; контами-нация отсылает к роману Р. Сабатини «Одиссея капитана <i>Блада</i> » 2. Словообраз.	Конгломерат <i>конеслон</i> выражает готовность и способность ученика преодолевать нормативные запреты: он придумывает новую шахматную фигуру, которая будет двигаться так, как ему нужно. И в нарушение правил и предписаний, ученик не воспроизводит цитаты, а «искажает» их — варьирует и комбинирует, демонстративно утверждая свое право придумывать новые, собственные слова
12. «... невыученные облака » [с. 115]	Лексич.: облака можно <i>изучить</i> , но не <i>выучить</i>	Смысл образа: школьное обучение не имеет отношения к реальности, к жизни. Метафора говорит о готовности ученика самостоятельно определять, что для него по-настоящему важно и необходимо
13. «Не поправляй меня, я не ошибся » [с. 115]	Фактич.: ученик отчетливо нарушает общепринятые лексич., грамматич., синтаксич. нормы, но отрицает это	Формально здесь нет ошибки; перед нами манифестация личных убеждений. По сути, ученик заявляет о решении следовать своим, а не предписанным извне правилам и нормам
14. «...почему бы вам не взять минодвес п? » [с. 162]	Словообраз.: палиндром употребляется учеником намеренно	Палиндром <i>псевдоним</i> — зашифровать себя, спрятаться — включен нами в ряд ошибок только из-за фактически неправильного словоупотребления, но здесь отчетливо прослеживается: ученик осознанно использует «неправильное» слово, потому что оно лучше всего подходит для выражения его мысли

Выше, в табл. 2, были представлены ошибки, маркирующие подавленное эмоциональное состояние ученика — жертвы школьной демагогии; здесь, в табл. 3, мы приводим данные, указывающие на новый характер нарратива: «страдательный» модус сменяется на акциональный, деятельностный. Как показывает коннотация «ошибок» (см. комментарий к значению каждого примера в контексте романного целого), ими маркированы своего рода решения и поступки ученика, говорящие о его сопротивлении «школе для дураков» и противостоянии ей.

Изначальный смысловой момент — это утверждение своего «я». Если в школе ученика превращают в ничто, в «планктон», то здесь, напротив, проявлено его стремление к самоидентификации, последовательное и настойчивое, реализующееся в целом ряде действий. Все они объединяются в особую группу через общий код — критическая оценка безусловности правил как таковых, манифестированная в самых разных отношениях.

Во-первых, это намерение «бежать» от правил и найти «калитку» для побега. Метафора «политики-калитки» развивается в палиндроме псевдонима, подсказывающего, что *убежать* означает спрятаться, то есть *зашифровать себя* — ведь убежать по-настоящему, вырваться из «школы для дураков» ученик-подросток не может. Отсюда определяются следующие шаги его сопротивления: от него требуют беспрекословного подчинения приказам — он учится их не слышать, отстраняется сатирической интонацией, пародирующей абстрактную школьную «ученость». Показательно обращение к вопросам стиля (см. пример 8), когда внешне ученик демонстрирует готовность следовать указаниям учителя, а на деле совсем иначе, чем учитель, истолковывает это понятие: стиль он связывает с точностью передачи смысла, а не с формальными признаками.

Так намечается и постепенно нарастает движение ученика прочь из «школы для дураков», нигде не заявленное идеологически и репрезентируемое чисто лингвистическими, языковыми средствами. Цитируемые фрагменты открывают, как ученик в противовес всем запретам формирует собственные, свои личные представления о пространстве и времени и находит для них свои особые слова. Ученик осознает исключительную важность наречения, наименования того, что видишь вокруг (прим. 10, 11, 13), и это глубоко существенный аспект его побега из «школы для дураков», его пути к самому себе. И когда он уверенно и убежденно заявляет: «*не поправляй меня, я не ошибся*», это говорит о сложившемся решении следовать не чужим правилам, а своим, создавать их для себя.

Исходя из внесенных в таблицы данных можно увидеть, как постепенно, в противодействии унифицирующей школьной педагогике, ученик становится личностью, и что означает *быть личностью* в романе Саши Соколова. Это свободный человек, тот, кто чувствует, думает и говорит по-своему, создавая тем самым собственный мир, свою «территорию свободы». И если «школа для дураков» — метафора социального насилия, то быть свободным возможно повсюду, в любых условиях, если найти для своей территории свободы личный творческий код.

Заключение

«Индивидуальную свободу я полагал основным и первейшим человеческим правом. Полагал, начиная с первого сентября пятидесятого года, когда, приведен впервые в одну из тьмы затхлых московских школ, бежал, не приходя в сознание, — писал Саша Соколов об истоках своего романа. — Грустные сроки, проведенные в классах в качестве перманентно худшего ученика, бездельника и мятежника, пройдут недаром... Они дадут материал для первой повести...» [Соколов, 2008, с. 29–30].

Итак, в фокусе нарратива — школа, ученики и проблемы социализации; соответственно, жанр «Школы для дураков» напрямую связан с романом воспитания: книга рассказывает «об утонченном и странном мальчике, страдающем раздвоением личности, об ученике Таком-то, который не может примириться с окружающей действительностью» [Соколов, 2008, с. 30]. Это роман воспитания, но с яркой отличительной особенностью: весь процесс воспитания, по сути, заключается в том, что ученик ищет и находит собственные слова, особенные и точные — для описания положения дел, для выражения чувств, намерений и решений, для вербализации личных представлений о времени и пространстве, об окружающих людях. И «индивидуальная свобода» ученика осуществляется как раз в этих словах; его метафоры, анаграммы, нюансированная интонация, неологизмы, смело реорганизованный синтаксис создают неповторимую творческую картину мира, которая ясно свидетельствует: «Школа для дураков» — роман о художнике, о «годах учения» будущего писателя и поэта.

Но и в этом аспекте книга Саши Соколова заметно отличается от классических образцов жанра. «Роман о художнике», открытый некогда немецкими романтиками, на протяжении XIX и XX вв. пережил ряд трансформаций при сохранении жанровой детерминанты: творчество конвенционально понималось как «дар», и художник свободно владел им; в этом плане название романа Владимира Набокова, придуманное автором в 1930-е гг., можно назвать архетипическим. «Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум», — мог бы сказать о себе герой Набокова Годунов-Чердынцев через сто лет после появления пушкинских строк.

Но в романе Саши Соколова всё иначе. «Свободный ум» нужно завоевать огромными усилиями, ценой мучительной боли и одиночества; «дорогу свободную» проложить в непрерывных кровопролитных столкновениях чуть ли не со всем миром; и код ошибки здесь играет принципиальную роль. Ошибки для ученика знаменуют необходимость нарушать правила, то есть вести войну с бесчисленными запретами и угрозами, которые встают на его пути к своим правилам — к тому, чтобы создать свой личный, индивидуальный стиль и слог.

Ошибки тем самым, начиная уже с эпиграфа, — ключевая метафора в описании творческого процесса, и у нее достаточно прозрачный коннотативный смысл. Это бунт против единых правил соцреализма, которые все писатели обязаны были неукоснительно соблюдать; против времен застоя, когда в обществе велась «необъявленная война с Художником» [Соколов, 2008, с. 20] и сама идея индивидуальной творческой свободы не могла быть открыто высказана.

«Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова...

Так, «дискурс безумия» в романе содержит конкретную социально-реалистическую коннотацию, отсылающую к известной «карательной медицине», отразившейся и в биографии Саши Соколова¹.

Эта напряженная двойственность «дискурса безумия» характеризует, как представляется, не только роман «Школа для дураков», но и другие произведения советского времени, что еще предстоит узнать и исследовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Азеева И. В. 2015. Саша Соколов «Школа для дураков»: опыт интерпретации игрового текста. Ярославль: Ярославский гос. театр. ин-т. 140 с.
- Александрова З. Н. 2019. Снежок // Культура.рф. <https://www.culture.ru/poems/39574/snezhok> (дата обращения: 11.06.2026).
- Баражук В. Н. 2013. Шизофренический дискурс в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 апреля 2013 г., г. Куйбышев). Новосибирск: Немо Пресс. С. 151–157.
- Берг М. Ю. 1985. Новый жанр (читатель и писатель) // А–Я: Литературное издание. Париж: Fischer & Schmidt Reprotechnik. № 1. С. 4–6.
- Битов А. Г. 1989. Грусть всего человека // Октябрь. № 3. С. 157–158.
- Блейхер В. М. 1983. Расстройства мышления. Киев: Здоровье. 192 с.
- Вари Э. 2002. «Литература [...] — искусство обращения со словом». Заметки о повести «Школа для дураков» Саши Соколова // Studia Slavica. Т. 47. № 3–4. С. 427–450.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения (перевод и послесловие Кралечкина Д.). Екатеринбург: У-Фактория. 672 с.
- Егоров М. Ю. 2011. Литературные предпосылки творческой манеры Саши Соколова // Культура. Литература. Язык: мат. конф. «Чтения Ушинского» (г. Ярославль, 3 марта 2011 г.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. С. 140–148.
- Ефремова Т. Ф. 2006. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ: Астрель. 974 с.
- Жмуров В. А. 2009. Введение в клиническую психиатрию // Авторская клиника В. А. Минутко. <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/vvedenie-v-klinicheskuyu/simptomny-dificitarnogo-autizma-prodolzhenie> (дата обращения: 11.06.2026).
- Зорин А. Л. 1989. Насылающий ветер // Новый мир. № 12. С. 250–253.

¹ «... смирительная рубаша. < ... > Парадоксально: этот неброский наряд символизировал твою постепенную эмансипацию... < ... > В ней тебя увозили в самое вольное из всех учреждений отчизны. И в той же рубаше семьсот двадцать девять уколов спустя предстал ты перед высочайшей комиссией» [Соколов, 2008, с. 19]. Психиатрическая лечебница — пыточная тюрьма, но и островок творческой свободы; диагноз шизофрении — клеймо маргинала, но и возможность скрыться от политических репрессий: «После того как высшая врачебная комиссия официально признала меня неразорвавшейся бомбой, я получил белый билет и вошел в блистательную толпу свободных столичных художников» [Соколов, 2008, с. 35].

- Лакан Ж. 2006. Этика психоанализа (1959–60). М.: Логос // RoyalLib. https://royallib.com/book/lakan_gak/etika_psihoanaliza1959_60.html (дата обращения: 11.06.2026).
- Липовецкий М. Н. 1997. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Изд-во УГПУ. 317 с.
- Липовецкий М. Н. 2008. Паралогии. Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской литературе 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение. 877 с.
- Руднев В. П. 2007. Философия языка и семиотика безумия. М.: Территория будущего // Электронная библиотека по ЗОЖ. https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 11.06.2026).
- Сапрыкин Ю. 2018. Школа для дураков // Полка. <https://polka.academy/articles/529> (дата обращения: 11.06.2026).
- Случевский Ф. Н. 1975. Атактическое мышление и шизофазия. СПб.: Медицина. Ленингр. отделение. 159 с.
- Соколов Саша. 1976. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис. 174 с.
- Соколов Саша. 2008. Тревожная куклолка: эссе. СПб.: Азбука-классика. 192 с.
- Туманов В. А. 1994. A tale told by two idiots: Крик идиота в «Школе для дураков» С. Соколова и в «Шуме и ярости» У. Фолкнера // Russian Language Journal. № 48 (159–161). С. 137–154.
- Фрейд З. 2022. Психопатология обыденной жизни / пер. В. Медем. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого. 201 с.
- Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху / пер. Стаф И. К.). М.: АСТ. 698 с.
- Ханова О. А. 2020. Замкнутость — причины, диагностика и лечение. М.: Красота и медицина // Электронная библиотека по ЗОЖ. https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 11.06.2026).
- Юнг К. Г. 2000. Психология раннего слабоумия (dementia praecox) / пер. В. Зеленского. СПб.: Академический проект // Библиотека Максима Мошкова. https://lib.ru/PSIHO/JUNG/workpsychiat.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 11.06.2026).

References

- Azeeva, I. V. (2015). *Sasha Sokolov's "A School for Fools": The Experience of Interpreting a Play Text*. Yaroslavl'skiy gos. teatr. in-t. [In Russian]
- Aleksandrova, Z. N. (2019). Snezhok (Snowball). *Culture.ru*. Retrieved June 11, 2026, from <https://www.culture.ru/poems/39574/snezhok> [In Russian]
- Barazhuk, V. N. (2013). Schizophrenic discourse in Sasha Sokolov's novel "A School for Fools". In *Collection of Articles of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Text as a Unit of Philological Interpretation"* (April 25, 2013, Kuibyshev) (pp. 151–157). Nemo Press. [In Russian]
- Berg, M. Yu. (1985). New genre (reader and writer). In *A–Ya: Literary Edition* (no. 1, pp. 4–6). Fischer & Schmidt Reprotechnik. [In Russian]
- Bitov, A. G. (1989). The sadness of the whole person. *Oktyabr*, (3), 157–158. [In Russian]
- Bleikher, V. M. (1983). *Disorders of Thinking*. Zdorovye. [In Russian]

- Vari, E. (2002). "Literature [...] is the art of handling the word." Notes on the novel "A School for Fools" by Sasha Sokolov. *Studia Slavica*, 47(3–4), 427–450. [In Russian]
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* (Translation and afterword by D. Kralechnik). U-Faktoriya. [In Russian]
- Egorov, M. Yu. (2011). Literary prerequisites of Sasha Sokolov's creative manner. In *Proceedings of the Conference "Ushinsky Readings": "Culture. Literature. Language"* (March 3, Yaroslavl) (pp. 140–148). Yaroslavskiy gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2006). *Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language* (in 3 vols). AST, Astrel. [In Russian]
- Zhmurov, V. A. (2009). Introduction to clinical psychiatry. V. L. Minutko's Clinic. Retrieved June 11, 2026, from <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/vvedenie-v-klinicheskuyu/simptomy-dificitarnogo-autizma-prodolzhenie> [In Russian]
- Zorin, A. L. (1989). Sending Wind. *Novyy mir*, (12), 250–253. [In Russian]
- Lacan, J. (2006). *The Ethics of Psychoanalysis* (1959–60). Logos. Retrieved June 11, 2026, from https://royallib.com/book/lacan_gak/etika_psihoanaliza1959_60.html [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (1997). *Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics*. Izd-vo UGPU. [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (2008). *Paralogies. Transformation of (Post)modernist Discourse in Russian Literature of the 1920s–2000s*. Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
- Rudnev, V. P. (2007). *Philosophy of Language and Semiotics of Madness*. Territoriya budushchego. Retrieved June 11, 2026, from https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml [In Russian]
- Saprykin, Yu. (2018). A School for Fools. *Polka*. Retrieved June 11, 2026, from <https://polka.academy/articles/529> [In Russian]
- Sluchevskiy, F. N. (1975). *Atactic Thinking and Schizophasia*. Meditsina. Leningr. otd-nie. [In Russian]
- Sokolov, S. (1976). *A School for Fools*. Ardis. [In Russian]
- Sokolov, S. (2008). *Troubled Doll: Essays*. Azbuka-klassika. [In Russian]
- Tumanov, V. A. (1994). "A tale told by two idiots: The cry of an idiot in S. Sokolov's 'A School for Fools' and in W. Faulkner's 'The Sound and the Fury'". *Russian Language Journal*, (48), 137–154. [In Russian]
- Freud, Z. (2022). *Psychopathology of Everyday Life* (Translation by V. Medem). Strelbitsky Multimedia Publishing House. [In Russian]
- Foucault, M. (2010). *History of Madness in the Classical Age* (Translation by I. K. Staf). AST. [In Russian]
- Khanova, O. A. (2020). *Isolation — Causes, Diagnosis, and Treatment*. Krasota i meditsina. Retrieved June 11, 2026, from https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml [In Russian]
- Jung, K. G. (2000). *Psychology of Early Dementia (Dementia Praecox)* (Translation by V. Zelenskiy). Akademicheskii proekt. Retrieved June 11, 2025, from https://lib.ru/PSIHO/JUNG/workpsychiat.txt_with-big-pictures.html [In Russian]

Информация об авторах

Галина Ивановна Данилина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюмень, Россия
gdanilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Ксения Александровна Гринякина, аспирант кафедры языкознания и литературоведения по направлению «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>

Information about the authors

Galina I. Danilina, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
gdanilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Kseniya A. Grinyakina, Postgraduate Student (Russian Literature and the Literatures of the Peoples of the Russian Federation) of the Department of Linguistics and Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>